

Т. Б. ТРОФИМОВА-ШИФФ*

**«...И ЗАСТАВИЛИ ЕГО ПИСАТЬ ЗАПИСКИ...»
(К ТЕМЕ «Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И И. А. ГОНЧАРОВ»)**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, биографизм, роман, повесть, Обломов, «человек из подполья».

Данная статья посвящена исследованию литературных и биографических связей между повестью Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и романом И. А. Гончарова «Обломов». Анализируя историко-литературный контекст, биографические материалы, автор высказывает предположение, что Достоевский, опираясь на образ Обломова, усиливая отрицательные черты его характера и меняя психологическую ситуацию, показывает, как романтик превращается в «подпольного человека».

В письме брату Михаилу от 1 апреля 1846 г. Достоевский писал: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечательны Герцен (Искандер) и Гончаров» (28₁, 120). Отношение Достоевского к творчеству Гончарова многократно менялось на протяжении всей жизни писателя. Если «Сон Обломова» он «цитировал с увлечением»¹, то роман «Обломов» в письме к брату от 9 мая 1859 г. из Семипалатинска им назван «отвратительным» (28₁, 325). В «Записной книжке» 1864–1865 гг. Достоевский так отзывается о герое Гончарова: «Обломов. Русский человек много и часто грешит против любви; но и первый страдалец за это от себя. Он палач себя и за это. Это самое характеристичное свойство русского человека. Обломову же было бы только мягко — это только лентяй, да еще вдобавок эгоист. Это даже и не русский человек. Это продукт петербургский. Он лентяй и барич, но и барич-то уже не русский, а петербургский» (20, 204). В 1876 г. в письме к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля писатель ставит роман «Обломов» уже в один ряд с «Мертвыми душами», «Дворянским гнездом» и «Войной и миром» (29₁, 106). В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (Гл. I. § 2) Достоевский объединяет образы Лаврецкого и Обломова: «Тут, конечно, не народ, но всё, что

* Татьяна Борисовна Трофимова-Шифф, канд. филол. наук, ст. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — trofatat@yandex.ru.

¹ Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 163.

в этих типах Гончарова и Тургенева векового и прекрасного, — всё это оттого, что они в них соприкоснулись с народом, придало им необычайной силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (22, 44). В черновиках «Дневника писателя» еще более четкое высказывание: «Обломов разве народ? Не народ, но черты-то в нем основные принадлежат народному духу» (22, 185). Все приведенные цитаты подтверждают интерес Достоевского к творчеству Гончарова, роману «Обломов» и к образу главного героя и признание «блестящего таланта» его автора (28₁, 244).

Напомним, что проблема «лишних людей» во второй половине 1850-х и начале 1860-х гг. продолжает обсуждаться в публицистике. Интерес к ней был связан с тем, что в русской литературе шли поиски другого героя, «лишних людей» вытесняют со страниц литературных произведений «новые люди», герои-деятели. Опубликованный в 1859 г. роман Гончарова «Обломов» сразу же оказался в центре внимания и вызвал оживленную полемику в обществе. После его выхода из печати появилась статья Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1860). Обращая внимание на генезис образа Обломова, критик установил его связь с «лишними людьми» сороковых годов, родоначальником которых был пушкинский Онегин, за ним следовал Печорин Лермонтова, Бельтов Герцена, Рудин Тургенева и логическим завершением этого ряда, по мнению Добролюбова, стал Обломов Гончарова. Для критика гончаровский герой олицетворял не только помещика-крепостника, но и помещика-либерала, чиновника, офицера, журналиста и т. д. В истории Обломова, отмечал Добролюбов, было сказано «новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это *обломовщина*; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни»². В полемику с Добролюбовым, а фактически, с журналом «Современник» вступил Ап. Григорьев. В этом же году в «Русском слове» вышла его статья «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо»». В ней автор сопоставил «художественную идею» «Дворянского гнезда» и идею «Обломова», отметил, что роман Гончарова — произведение «чисто внешнего художественного дарования. Весь «Обломов» построен на азбучном правиле»: «возлюби труд и избегай праздности и лени — иначе впадешь в обломовщину и кончишь, как Захар и его барин»³. Обращаясь к Добролюбову, Ап. Григорьев писал, что он должен был «обрадоваться этой теме <...> и с яростью накинуться вместе с автором «Обломова», — и даже больше, чем сам автор, — на Обломовку и обломовщину.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 314.

³ Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 192.

Не обвиняя их в увлечениях, заставивших их в ряды обломовцев включить и Онегина, и Печорина, и Бельтова и Рудина — приписываю этим невольным увлечениям самые лучшие, самые благородные источники — и знаю, насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этих увлечений, то есть сторона вражды к Обломовке и обломовщине»⁴. Далее критик пишет о том, что Обломовка живет в каждом из нас, если «вы живой человек, органический продукт почвы и народности»⁵. Анализируя роман И. С. Тургенева, Ап. Григорьев говорит о важном значении не самого образа Лаврецкого, а романа в целом: «Что сказалось “Дворянским гнездом”? Вся умственная жизнь послепушкинской эпохи, от туманных еще начал в кружке Станкевича, до резкого постановления вопросов Белинским, и от резкости Белинского до уступок — весьма значительных, — сделанных мыслию жизни и почве... Борьба славянофильства и западничества и борьба жизни с теориею — славянофильскою или западною, все равно завершается в поэтических задачах тургеневского типа победою жизни над теориями»⁶. Под «теориями» здесь прежде всего понимается позиция журнала «Современник» и его ведущего критика Н. Г. Чернышевского. Как отмечает И. А. Битюгова, Достоевский разделял мнение Ап. Григорьева о романе «Обломов» и доказательством этого можно считать некрологическую статью Д. В. Аверкиева, посвященную критике и напечатанную в августовском номере журнала «Эпоха» в 1864 г. В примечаниях к этой статье было сказано, что «автор говорит здесь как бы от лица редакции». Ф. М. Достоевский, оставшийся единственным редактором после смерти брата, фактически, был ее автором. В примечаниях к некрологу указано: «Так, Григорьев не мог никогда увлечься, подобно высокоталантливому Добролюбову, и признать гончаровского Штольца за какое-то нравственное совершенство, а бюрократическое произведение г-на Гончарова за решение, окончательное и безапелляционное, вопроса о русском человеке, единственно по случаю встречающегося в этом произведении слова “обломовщина”». Далее продолжает Достоевский: «Это и потому еще, что Григорьев был шире Добролюбова, шире, глубже и несравненно богаче одарен природою, чем Добролюбов. Добролюбов был очень талантлив, но ум его был скуднее, чем у Григорьева, взгляд несравненно ограниченнее. Эта узость и ограниченность составляла отчасти силу Добролюбова...» (20, 230)⁷. Согласие с точкой зрения Ап. Григорьева отзовется и в рассуждениях писателя об образе Лаврецкого и Обломова в упомянутом выше «Дневнике писателя».

⁴ Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 192.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Там же.

⁷ Эпоха. 1864. № 8. Отд. VIII. С. 1, 9–10. См. также: Битюгова И. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 194–195.

Проблема «лишних людей» была и в поле зрения Достоевского. В начале 1860-х гг. в цикле статей о русской литературе, а также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) он размышляет над типом «лишнего человека» на свой лад, интерпретируя образы Онегина, Печорина, Рудина, Гамлета Щигровского уезда. Возникновение литературного типа «лишнего человека», «русского европейца» Достоевский связывал с западничеством, которое, по его мнению, вело к отрыву от национальной почвы и шло вразрез с христианскими нравственными идеалами. Н. Ф. Буданова в своем исследовании подчеркивает, что для Достоевского начала 1860-х гг. было существенно «переосмысление типа “лишнего человека”», созданного русской литературой, и это переосмысление стало важной вехой «на подступах писателя к “подпольному человеку”»⁸.

Общее определение, которое дал Добролюбов всем типам «лишних людей», встречающихся в русской литературе, — «обломовцы», тем самым подчеркивая их большинство, и свое суждение об Обломове — «коренной народный наш тип», вызвало, судя по всему, несогласие Достоевского. В черновом наброске предисловия к «Подполью» в 1875 г., возможно, возвращаясь к статье критика, он писал: «У нас все прерывается, падает, отрицается <...> И не внешне лишь, как на Западе, а внутренне нравственно. Талантливые писатели наши, высокохудожественно изображавшие жизнь средне-высшего круга (семейного), — Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства, — по-моему, они-то и изображали жизнь исключений. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила <...> А подполье и “Записки из подполья”. Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться. <...> Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). Тайна <...>» (16, 329–330). Герой «Записок» прямо не назван «лишним», но в подстрочном примечании к заглавию «Подполье» автор отметил, что здесь выведен «перед лицо публики» «один из характеров протекшего недавнего времени <...> один из представителей еще доживающего поколения» (5, 99). В объявлении об издании «Эпохи» на 1865 г. говорилось о том, что «исчезает наше современное поколение, само собою, вяло и бесследно, заявляя себя странными и невероятными для потомства признаниями «лишних людей». Разумеется, мы говорим только об избранных из «лишних людей» (потому что и между «лишними людьми» есть избранные» (5, 376–377).

⁸ Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С. 14.

Давно всеми признано, что Достоевский, по определению А.Л. Бема, был гениальным читателем, в произведениях которого преломлялось творчество его предшественников и современников⁹. Не остались вне поля зрения писателя и произведения Гончарова, и в целом ряде работ исследуется литературное влияние автора «Обломова» на Достоевского или отмечаются явные отсылки к его текстам¹⁰. На связь романа «Обломов» с «Записками из подполья» в своем исследовании обратил внимание В.Г. Одинокоев, указав, что герой Достоевского оказался в еще более узком кругу, чем герой Гончарова. Он ушел в «подполье»¹¹. О.Г. Дилакторская, анализируя проблему личности и тип героя, отметила, что «ничегонеделание из лени» для Парадоксалиста имеет откровенно положительный смысл: «Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это преприятно было слышать о себе. Значит положительно определен, значит есть, что сказать обо мне: “Лентяй!” — да ведь это званье и назначение, это карьера-с» (5, 109). Далее Дилакторская напоминает, что карьере лентяя в русской литературе сделал Илья Ильич Обломов, для которого ничегонеделание из лени и нерешительности стало определяющим качеством характера. Именно в этой связи он и заключил собой ряд «лишних людей»¹². Сентенция Парадоксалиста явно нацелена на героя Гончарова: «...я был бы лентяй и обжора, но не простой, а, например, сочувствующий всему прекрасному и высокому» (5, 109). Оценки «подпольного человека» явно противоречат тем, которые дает «бессмысленно-ленивому характеру» Обломова Добролюбов. Но дело не только в том, что Парадоксалист Достоевского вспоминает героя Гончарова. На наш взгляд, Достоевский, приступив к созданию «Записок из подполья», сознательно ориентировал повесть на роман, а образ своего героя, вернее «антигероя», на образ Обломова, тем самым отчасти полемизируя с Добролюбовым. По мнению Достоевского, логическим завершением ряда «лишних людей» станет «подпольный человек», «человек *русского большинства*».

В повести «Записки из подполья» существует ряд сюжетных параллелей, тем и мотивов, обнаруживающих ее связь с романом «Обломов»: жизненная ситуация героев, сходство характеров, взаимоотношения со слугами, общение с героинями (Ольгой и Лизой). «Подпольный»

⁹ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 35.

¹⁰ Битюгова И.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского. С. 191–198; Одинокоев В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1981. С. 47; Орнатская Т.И. Достоевский и Гончаров // И.А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск, 1992. С. 105–114; Дилакторская О.Г. Петербургские повести Достоевского. СПб., 1999. С. 269–274; Туниманов В.А. «Жалкие слова» («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Про мемурия: Памяти акад. Г.М. Фриденлера (1915–1995). СПб., 2003. С. 168–178, и др.

¹¹ Одинокоев В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. С. 31.

¹² Дилакторская О.Г. Петербургские повести Достоевского. С. 272.

и Обломов почти постоянно находятся не только в замкнутом пространстве своих жилищ, но и погружены в себя, в мир своих фантазий, размышлений и мечтаний. В воображаемых грезах видят себя героями, совершающими подвиги. Протагонист «Записок из подполья» представляет: «...а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем. Затем играется марш, выдается амнистия, папа соглашается выехать из Рима в Бразилию, затем бал для всей Италии на вилле Боргезе...» (5, 133–134). Ему вторит персонаж Гончарова: «Наутро опять жизнь, опять волнения, мечты! Он (Обломов. — *Т. Т.-III.*) любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Ерусалан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов...»¹³ Оба сознательно перестали служить, разорвали почти все связи с внешним миром. И тот и другой — «продукты петербургские», живут в «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» (5, 101). Но при подчеркнутом внешнем сходстве и не только в характере, но и в поведении Обломова и Парадоксалиста, Достоевский усиливает их внутреннее психологическое различие. Писатель обращает внимание читателя на такие черты характера Парадоксалиста, как эгоизм, индивидуализм, гордость, которые в скрытой форме присущи и Обломову. Вспомним, например, обиду Ильи Ильича на то, что Захар сравнил его со всеми. «Он (Обломов. — *Т. Т.-III.*) в низведении себя Захаром до степени *других* видел нарушение прав своих на исключительное предпочтение Захаром особы барина всем и каждому. <...> наконец, сознательно ли оскорбил его Захар <...> Все это задело самолюбие Обломова...»¹⁴ Но в своем герое Достоевский доводит различия до максимального развития, до крайности. Более того, он лишает своего Парадоксалиста каких-либо нравственных критериев, что делает почти невозможным выход его в «живую жизнь». «Обломов хотя и прожил молодость, — замечает Гончаров, — в кругу всезнающей, давно решившей все жизненные вопросы, ни во что не верующей и все холодно и мудро анализирующей молодежи, но в душе у него теплилась вера в дружбу, в любовь, в людскую честь, и сколько не ошибался он в людях, сколько бы ни ошибся еще, страдало его сердце, но ни разу не пошатнулось основание добра и веры в него»¹⁵. У Парадоксалиста же эта вера утрачена. Он все отрицает: дружбу, любовь, честь, порядочность, доброту и т. д. У Обломова, в свою очередь, причиной отказа от «живой жизни» становятся его лень и апатия. Сближает эти образы и чувство страха перед жизнью.

¹³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 272.

Напомним, что Гончаров и Достоевский — признанные мастера художественной детали, а поэтому любая, на первый взгляд незначительная подробность в их произведениях приобретает особый смысл. Знаменитый персидский халат Обломова, «без малейшего намека на Европу», как и его диван, становятся символами духовного состояния героя. В конце романа и в конце жизни Обломова появляется образ уже старого потрепанного истасканного халата. «“Обломов” является тем литературным текстом, — замечает Н.Л. Ермолаева, — в котором архетипический смысл образа халата закреплен и значительно обогащен за счет его необычайной многозначности». Рассмотрев историю развития этого образа, исследовательница подчеркивает: после «появления романа “Обломов” как образ его заглавного героя, так и образ халата приобретает архетипический смысл, который не сможет игнорировать ни один художник и читатель»¹⁶. Халат становится деталью, которая в текстах повести и романа приобретает особый смысл.

Во второй части «Записок...», названной «По поводу мокрого снега», в которой Парадоксалист уже не увлекается теориями, а вспоминает свою молодость, появляются некоторые бытовые подробности из его жизни. Знакомство с Лизой и приглашение ее к себе домой вызывает у подпольного мучительные мысли. «Скверно уж одно то, что она увидит, например, как я живу. Вчера я таким перед ней показался... героем... а теперь, гм! <...> А клеенчатый диван-то мой, из которого мочалка торчит! А халат-то мой, которым нельзя закрыться! Какие ключья... И она все это увидит; и Аполлона увидит <...> А я уж, разумеется, по обычаю струшу, семенить перед ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну» (5, 165). В другом эпизоде, когда Лиза пришла к нему, подпольному «пришло на ум дорогой: не убежать ли так, как есть, в халатишке, куда глаза глядят, а там будь что будет» (5, 172). В дальнейшем происходит конфликт с девушкой, в котором она, несмотря на нанесенные ей оскорбления, оказывается нравственно выше Парадоксалиста. Ее человечность обнаруживает в нем самую черту страдающего человека. Но в тот момент, когда он унижает Лизу, он ей кричит: «Да неужели ж ты даже и теперь не догадалась, что я тебе никогда не прошу того, что ты застала меня в этом халатишке...» (5, 174). После того, как его охватили рыдания, подпольный упал на диван «и четверть часа рыдал в настоящей истерике. <...> Пришло мне тоже в возбужденную мою голову, что героиня теперь она, а я точно униженное и раздавленное создание... И все это ко мне пришло еще в те минуты, когда я лежал ничком на диване!» (5, 175). Достоевский не случайно акцентирует внимание читателя на постоянном упоминании халата и дивана, вероятно, рассчитывая на определенные ассоциации с романом

¹⁶ Ермолаева Н.Л. Эпическое мышление И.А. Гончарова. Иваново, 2011. С. 227, 234.

Гончарова. И Лиза, и Ольга Ильинская попытались внести в существование подпольного и Обломова «живую жизнь». Но, как скажет герой Достоевского: «“Спокойствия” я желал, остаться один в подполье желал. “Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (5, 176). Боится потерять покой и Обломов. Следует отметить, что после разрыва с Ольгой Ильинской Илья Ильич видит, как «снег валил хлопьями и густо устилал землю. “Снег, снег, снег! — твердил он бессмысленно, глядя на снег, густым слоем покрывший забор, плетень и гряды на огороде. — Все засыпал!” — шепнул потом отчаянно, лег в постель и заснул свинцовым, безотрадным сном»¹⁷. Подпольный, в свою очередь, потеряв Лизу, «стоял на снегу, всматриваясь в мутную мглу... Было тихо, валил снег и падал почти перпендикулярно...» (5, 177). Снег «засыпает» прошлую жизнь героев повести и романа. Для них теперь начинается другая жизнь.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что «подпольный человек» в халате перевоплотится затем в «мещанина в халате», который появляется неожиданно «из-под земли» или «из-под полу»: «подпольный мещанин в халате», в романе «Преступление и наказание». Он сообщает Раскольникову, что «он — убийца». Образ «подпольного мещанина в халате» еще раз подчеркивает связь повести «Записки из подполья» и романа «Преступление и наказание», но эта тема требует отдельного исследования.

Рассуждения подпольного о том, что непосредственный человек, деятель «прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклоня вниз рога, и только разве стена его останавливает. (Кстати: перед стеной такие господа, то есть непосредственные и деятели, искренно пасуют. Для них стена — не отвод, как например для нас, людей думающих, а следственно, ничего не делающих не предлог воротиться с дороги <...> Нет, они пасуют со всею искренностью. Стена имеет для них что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое <...>» (5, 104), и на наш взгляд, отсылают читателя к тексту «Обломова» и к образу Штольца. «Нужно ли прибавлять, что сам он шел к своей цели, отважно шагая через все преграды, и разве только тогда отказывался от задачи, когда на пути его возникала стена или отверзалась непроходимая бездна. Но он неспособен был вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену на авось. Он измерит бездну и стену, и если нет верного средства одолеть, он отойдет, чтобы там про него ни говорили»¹⁸. Мотив стены и бездны станет сквозным в творчестве Достоевского.

Как нам кажется, Достоевский, опираясь на образ Обломова, но усиливая отрицательные черты характера героя Гончарова и меняя психологическую ситуацию, показывает, что прекраснодушный романтик

¹⁷ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 373.

¹⁸ Там же. С. 164.

может превратиться в угрюмого и злого «подпольного человека». Писатель создает свой сложный художественный образ, подчеркивая, что влияние на формирование личности окружающая среда оказывает лишь отчасти. Важную роль в этом играет и психология самого человека, а это снова возвращает нас к полемике с Добролюбовым по поводу «теории среды». Именно его Парадоксалист, считает Достоевский, а не Обломов, оказывается логическим завершением ряда «лишних людей», предложенного Добролюбовым. Но если Гончаров заканчивает свой роман смертью Обломова, то Достоевский в своей повести оставляет финал открытым, давая своему герою шанс на возрождение.

Библиографический список

- Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе. М., 2001.
- Битюгова И. А.* Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2.
- Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987.
- Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4.
- Григорьев А. А.* Искусство и нравственность. М., 1986.
- Дилакторская О. Г.* Петербургские повести Достоевского. СПб., 1999.
- Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964.*
- Ермолаева Н. Л.* Эпическое мышление И. А. Гончарова. Иваново, 2011.
- Одинокое В. Г.* Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981.
- Орнатская Т. И.* Достоевский и Гончаров // И. А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 г. Ульяновск, 1992.
- Туниманов В. А.* «Жалкие слова» («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Про мemento: Памяти акад. Г. М. Фридендера (1915–1995). СПб., 2003.

Trofimova-Shiff T. B.

“...AND MADE HIM WRITES NOTES...” (TO THE TOPIC
“F. M. DOSTOEVSKY AND I. A. GONCHAROV”)

Key words: F. M. Dostoevsky, I. A. Goncharov, biografism, novel, story, Oblomov, “underground”.

The article is devoted to the study of literary and biographical connections of the novel *Notes from the underground* by Dostoevsky and the novel *Oblomov* by Goncharov. Analyzing the historical and literary context, biographical materials, the author suggests that Dostoevsky, based on the image of Oblomov,

focusing on the negative features of his character and changing psychological the situation shows how romantic man is transformed into the “underground man”.

References

- Bem A. L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature*. Moscow, 2001.
- Bituyugova I. A. Roman Goncharova “Oblomov” v hudojstvennom vospriyatii Dostoevskogo. *Dostoevsky. Materiali i issledovaniya*. Leningrad, 1976. T. 2.
- Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: In 20 vols*. St. Petersburg, 1998. T. 4.
- Grigor'ev A. A. *Iskusstvo i nravstvennost'*. Moscow, 1986.
- Dilaktorskaya O. G. *Peterburgskie povesti Dostoevskogo*. St. Petersburg, 1990.
- Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochinenij: In 9 vols*. Moscow; Leningrad, 1962. T. 4.
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: In 30 vols*. Leningrad, 1972–1990.
- Dostoevsky v vospominaniyah sovremennikov: In 2 vols*. Moscow, 1964.
- Ermolaeva N. A. *Epicheskoe myshlenie I. A. Goncharova*. Ivanovo, 2001.
- Odinokov V. G. *Tipologiya obrazov v hudojestvennoj sisteme F. M. Dostoevskogo*. Novosibirsk, 1981.
- Ornatskaya T. I. Dostoevsky i Goncharov. *I. A. Goncharov: Materiali yubilejnoj goncharovskoj konferencii 1987 g.* Ul'yanovsk, 1992.
- Tunimanov V. A. “Jalkie slova”: “Oblomov” Goncharova i “Zapiski iz podpol'ya” Dostoevskogo. *Pro memoria: Pamyati akad. G. M. Frindlendera (1915–1995)*. St. Petersburg, 2003.